

**Н**ЕДАВНО пермские любители музыки присутствовали на двух камерных концертах, в которых выступили молодые исполнители, увенчанные высокими и почетными титулами, — певица, солистка Московской филармонии, лауреат Всесоюзного конкурса имени Глинки и дипломант Международного конкурса имени Чайковского Аделина Козлова и лауреат Международного конкурса скрипачей имени Маргариты Лонг и Жака Тибо в Париже Матвей Шмитас. И пусть в музыкальном мире сегодня бытует в целом справедливое мнение о невероятном количестве международных му-

те) произвела несколько странное впечатление. Начнем с ансамбля. В первой части двухчастной ля-мажорной сонаты Моцарта, открывавшей концерт, исполнители говорили друг с другом (скорее, с публикой — или, может быть, с Моцартом?) явно на разных языках. Пианист М. Пакман в своей партии до такой степени злоупотреблял и силой звука, и резкостью звукоизвлечения, и напором проведения музыкальной мысли, что самым определенным образом оттолкнул в сторону звучание скрипки, партия которой, как минимум, равноправна с фортепианной.

## Концертная неделя

# ЧТО ЗА ТИТУЛОМ?

зыкальных соревнований и возникшей, как следствие этого, некоей девальвации лауреатского звания, завоеванная премия на конкурсе — знак успеха на определенном, часто начальном этапе развития музыканта, но не пожизненная рента. Все это верно, но марка таких музыкальных форумов, как конкурсы имени королевы Елизаветы в Брюсселе, М. Лонг и Ж. Тибо в Париже, имени Чайковского в Москве, остается высокой и служит, как правило, надежной рекомендацией для любителей музыки.

В этом плане оба концерта дали примерно одинаковую пищу для размышлений. Программа концерта А. Козловой шла под довольно необычной тематической шапкой — цыганские мелодии в произведениях русской и западной классики и танцевальные ритмы в песнях и романсах. Тематизм концерта — вещь интересная. Такой подход к составлению программы характеризует исполнителя ищущего и творчески не инертного. Можно, разумеется, спорить, насколько органично объединение под девизом «цыганские мелодии» сочинений Глинки, Чайковского, Листа, Дворжака, Шумана, Верстовского, И. Штрауса. Но некоторую уязвимость подобного тематического стержня могла бы устранить тщательная продуманность интерпретации, филигранная отделка деталей, искусство перевоплощения — словом, высокая исполнительская культура, высокий уровень мастерства.

Аделина Козлова, безусловно, обладает хорошими вокальными данными — голос свежий, ровный, яркий. Не лишена она и темперамента, и эстрадной «хватки». Но оптимистические, жанровые, индивидуальные особенности каждого произведения у певицы выявлены в столь слабой степени, что до зрителя и слушателя почти не доходят. Получается монотонность звуковых образов, их нивелировка, и разнобразие, оригинальность программы оборачивается пестротой и не приносит того эффекта, на который, очевидно, рассчитывала исполнительница.

Что касается второго исполнителя, с которым, кстати, пермяки встречаются впервые, то игра Матвея Шмитаса (и пианиста Марка Пакмана, принимавшего участие в концер-

те) произвела столь экспрессивная трактовка, которую показал пианист М. Пакман, и могла бы иметь место, но в сонате между партнерами не может быть столь откровенных несовпадений точек зрения без того, чтобы слушатели не были приведены в замешательство.

В других номерах программы (романс Бетховена, соната ре-минор Брамса, поэма Шоссона) «ножницы» между участниками ансамбля ощущались меньше. Но и в этих произведениях попытки пианиста «осложнить игру» наталкивались на бесстрастное олимпийское спокойствие, исходящее от скрипача.

Вот мы и возвращаемся к началу разговора о некотором недоумении в связи с игрой М. Шмитаса. Как получается, что превосходно обученный, знающий тонкости и секреты технологии исполнительства, обладающий недюжинным техническим аппаратом скрипач (без видимых затруднений, как бы между прочим, «выдать» Кампанеллу Паганини — это кое-что да значит!) в состоянии играть божественную, нежную, страстную, конфликтную, саркастическую, брызжущую весельем музыку, не выкладываясь, не страдая и не лгуя («добру и злу внимая равнодушно») и, вольно или невольно, ставя себя в положение информатора, лишь констатируя и ничего не утверждая при этом? Вдвойне непонятно, как такое может быть у молодого музыканта, которого хорошо «снабдили» в дальнюю дорогу и музыкальная природа и превосходные учителя?

Таково уж музыкальное исполнительство. В этом и его парадоксальность и его закономерность, что выразить мысли и идеи композитора можно лишь через посредство своих собственных мыслей и идей. Когда мысли и идеи автора и интерпретатора конгениальны, появляются Рихтеры и Ростроповичи. Но все равно выходить к зрителю и слушателю, не имея точной цели, не зная, чем с ним поделиться, — это должно быть противопоказано любому исполнителю. И тут уж не столь существенны его звания и титулы, громкие имена и знаки отличия.

**Э. ПЕСИКОВ,**  
солист Пермской  
филармонии.